

Об итальянском композиторе Л. Ноно я услышала, что он разрушил форму произведения, создает какие-то новые музыкальные конструкции, и самый оркестр уже не представляет для него единое целое... Но бесформенным произведением быть не может, а единообразие противно самому естеству человека, творчеству, в котором каждый идет своим путем. Впрочем, поговорим обо всем этом с самим Л. Ноно, в прошлом — участником итальянского движения Сопротивления, автором опер на тексты Б. Брехта и В. Маяковского, кантат на слова писем борцов-антифашистов, казненных в фашистских застенках, музыкальных композиций на сложнейшие философские темы...

Я узнала его сразу по описанию: «...высокий, в чем-то брезентовом и весь в себе». Потом композитор давал последние указания артистам перед выступлением, а сам оркестр небольшими группами расположился по всему Большому залу Филармонии. Взмах дирижерской палочки Д. Кахидзе. Музыка словно вздрогнула, воззвала к кому-то с болью и отчаянием и оборвалась. Тишина. И снова шквал звуков обрушился со всех сторон, и вслед за ним наступило ничем не нарушаемое хрупкое молчание...

Л. Ноно оказался человеком на редкость общительным и с видимым удовольствием ответил на вопросы.

— Знаю, что вы неоднократно бывали в СССР. Ваши впечатления от поездок?

— Впервые я побывал в Москве в 1973—1974 годах, тогда же познакомился с Шостаковичем и молодыми композиторами Денисовым, Шнитке, Губайдулиной, ставшими моими большими друзьями (а то застойное время, как у вас теперь принято говорить, их не хотели принимать в Союз композиторов СССР). За 6 месяцев до смерти Шостаковича мы с ним и Павлом Любимовым на даче композитора под Москвой много говорили о мировом музыкальном процессе. 14 лет назад я приезжал и в Тбилиси, где подружился с дирижером Кахидзе, Театром имени Руставели. Встречался со своим

Третий Международный музыкальный фестиваль — в разгаре. Напомним, что в Ленинград съехались композиторы и исполнители из 62 стран. Широчайшая панорама современного музыкального творчества предстала перед ленинградскими слушателями. Интересные встречи с авторами и исполнителями в Доме композиторов завершают каждый день фестиваля.

другом Арво Пяртом в Таллине. У меня в СССР много друзей: Канчали, Щедрин, Климов, Вознесенский, Айтматов, ленинградская художница Чичерина... Кстати, много раз на протяжении ряда лет я приглашал Любимова, тогда режиссера Театра на Таганке, в театр Ла Скала для постановки своей оперы «Под яростным солнцем любви». Но заполнить Любимова было непросто. Наконец он приехал в Милан и продолжал творческую работу высочайшего класса... Последний раз я приезжал в СССР в ноябре прошлого года — специально, чтобы проехать по транссибирской железной дороге, посмотреть Сибирь. Иркутск, этот духовный дом декабристов. Сибирь для меня — совершенно новая, непризычная природа, необыкновенной красоты пейзажи вечером, утром, днем.

— Нашли ли отражение в вашем творчестве сибирские впечатления?

— Пока нет... Остальное — я имею в виду впечатления от СССР — в опере «Под яростным солнцем любви», в ней же использую песню «Дубинушка».

— Как вы относитесь к Ленинграду?

— В Ленинграде я второй раз. Очень сложное он производит

Люджи НОНО:

«Жизнь трудна. И музыка трудна...»

впечатление. Это город огромной культуры, который открыт всей Европе, город колоссального количества ярчайших литературных и художественных имен, без которых просто не существовало бы русской культуры. Был период, я имею в виду культ личности Сталина, когда Ленинград много должен был потерять, но не потерял. Сегодня здесь рождается новая культура. Большие надежды в нашей стране зселяет политика Горбачева, перестройка, в частности во взгляде на прошлое искусство. Я, например, люблю творчество оригинального Мусоргского, не искаженного поздними редакциями, у меня имеется факсимильное издание «Бориса Годунова»... Нужно время, чтобы основательно изучить прошлое, без искажений и позднейших наслоений. Это вопрос новой системы обучения, свободного доступа к информации, это и открытые границы всех стран для людей Земли, это — демократия и взаимное уважение.

— Каковы современные музыкальные течения в Италии?

— Они разные. Чем больше голосов, тем, намерное, лучше. Композиторы Шарино, Стропо, Амброзини ведут поиски в области акустики, электроники, возможностей человеческого голоса. Но, главное, — все мы за priori

тет фантазии, чувств, интеллекта и против демагогии, упрощения, бюрократов от музыки.

— Чем, на ваш взгляд, объяснить то, что современная симфоническая музыка во всем мире плохо воспринимается массовым слушателем?

— Жизнь трудна, и книга трудна, и музыка — тоже трудна. Если конкретно — в консерваториях всего мира сегодня плохое преподавание. Академическое, как 100, 200 лет назад, оно не соответствует нашему сложному времени. Программы концертов ориентированы преимущественно на музыку прошлого. Наконец, музыкантам во всем мире из коммерческих соображений дается очень мало времени на репетиции, поэтому невозможно добиться желаемого результата в воздействии на слушателя. Людям навязывается музыка в огромных количествах, и она рискует превратиться в банальность, неизбежно теряя в качестве исполнения и изучения.

— Вы посвятили произведение, прозвучавшее на фестивале, Андрею Тарковскому. Почему?

— Восхищаюсь этим человеком, его трудной жизнью и творчеством, в частности последним фильмом «Жертвоприношение». Он открывал новое в искусстве, преодолевая сопротивление... Что касается расположения оркестра в разных местах зала, то так звучит музыка в церкви Святого Марка в Венеции. ПIANO и пианиссимо на грани молчания — то, чего нам сегодня не хватает. Мы лишены возможности слушать тишину, природу, спорить и дискутировать с собой, открывать себе, что мы такое есть! Слушайте себя, хочу я сказать слушателям... Счастливы, что музыку мою исполняет знаменитый на весь мир оркестр Ленинградской филармонии.

— Ваши впечатления от фестиваля?

— Это я потом смогу сказать.

— Что вы ждете от него?

— Пусть фестиваль даст бой консерватизму. Меньше турне, больше репетиций и хороших дирижеров, таких, как новый дирижер Ленинградской филармонии Темирханов. Пусть он все перевернет!